

«Затеял всякий час стопами воздыхати,
 Мне вздумалось в стихах для рифмы умирати:
 Я в сутки раза три иль больше в ад сходил,
 Нередко и свою любовницу водил».

(Стихи на качели.)

«Еклоги были мне за первый в том предмет,
 Я ими удивить намерился весь свет,
 Зимой украшал долины я цветами,
 Медведи за овец паслися там стадами. . .
 Пастух под деревом на стуле заседает,
 На место всех забав он лапти ковыряет. . .» и т. д.

(Там же.)

Протестует Чулков и против пышности и звона стихов, против космических масштабов «знакомцев Пиндара». Он точно определяет свою задачу:

«А я не для того касаюсь ефиру,
 Чтоб взять вмещенную между звездами лиру,
 Что прибыли мне в ней: не знаю, как играть,
 Так следовательно не надобно и брать».

(Там же.)

В этом нападении Чулков, и здесь не забывший упомянуть о прибыли, объединил без различия Сумарокова, Ломоносова и В. Петрова — всю торжественную одическую поэзию.

В этом же плане следует рассматривать и заметку Чулкова: «Вот как отказываются от благополучия», помещенную в 42 неделе «И то и сьо». Там описывается, как к сочинителю пришла барыня и попросила его написать за плату стихи на смерть постельной собачки. Это не было удивительной просьбой: богатые покровители поддерживали существование поэтов и могли потребовать от них выполнения любого заказа. И мало ли было написано различных слезных эпитафий собачкам и торжественных надписей на самые пустяковые семейные случаи. Но Чулков отказался и не соблазнился возможным «благополучием». «Извольте съездить к тому, которой принимает за всю и говорит, что он всю знает, так нам уж после его ничего не осталось», — сказал он, т. е. отправил барыню к поэту, для которого писание всякого рода стихов по заказу было делом обычным. Метил при этом Чулков, может быть, в самого Сумарокова.

Классовые третьесословные тенденции Чулкова прощупываются здесь достаточно отчетливо, и слова В. А. Десницкого о непочтительном отношении к «героическому» началу, идейно организовавшему дворянскую литературу (стр. 46), в применении к Чулкову совершенно справедливы.

Между тем, что делал в «Елисее» Майков, и поэмами Чулкова — была ощутимая для современников разница. Думается, что мнение